

Сергей Александрович Базунов

Александр Серов. Его жизнь и музыкальная деятельность

Жизнь замечательных людей

Сергей Базунов

**Александр Серов. Его жизнь
и музыкальная деятельность**

«Public Domain»

Баунов С. А.

Александр Серов. Его жизнь и музыкальная деятельность /
С. А. Баунов — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

Содержание

Глава I. Детство Серова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Александрович Баунов Александр Серов. Его жизнь и музыкальная деятельность

*Биографический очерк С. А. Баунова
С портретом Серова*

Глава I. Детство Серова

Происхождение. – Отец и мать. – Первые уроки музыки. – Пристрастие к Бюффону. – Первое проявление музыкальной натуры. – Характер Серова в детстве.

В январе 1871 года к числу достопамятных могил Александро-Невской лавры в С. – Петербурге прибавилась еще одна: упокоился навеки композитор Александр Николаевич Серов. Прах усопшего музыканта положили вблизи праха Глинки и Даргомыжского; этим актом общество ярко выказало свои симпатии к покойному, а также и свой взгляд на значение его личности и произведений. Но не так отнеслась к личности и произведениям Серова критика. Увлеченная партийными счетами и полемическими распрями, она долго не могла найти правильного масштаба для оценки умершего музыканта, и многие годы прошли, прежде чем имени Серова было отведено подобающее место в истории русского искусства. Однако время взяло свое, страсти улеглись, личные счеты замолкли, и когда подведены были беспристрастные итоги, то оказалось, что в сфере русской музыки Серову принадлежит бесспорно первое место после Глинки и Даргомыжского. Таким образом, как композитор Серов был оценен по достоинству.

Но А. Н. Серов был не только первоклассным композитором. Имя его равно прославлено и в области литературы: он был замечательнейшим музыкальным критиком своего времени, и не только своего; необыкновенная оригинальность взглядов, яркость и философская глубина, всегда отличавшие его критические работы, сохранили за ними все их значение вплоть до наших дней. На поприще музыкальной критики Серов стоял неизмеримо выше всех своих современников и по силе таланта не знает себе соперников на этом поприще, кажется, и до сего дня. Такая многосторонность, такое сочетание в одном лице талантов столь разнородных – явление чрезвычайно редкое и достается в удел немногим. Отсюда понятен интерес, связанный с изучением личности и деятельности такой богато одаренной натуры, как А. Н. Серов.

Александр Николаевич Серов родился в С. – Петербурге 11 января 1820 года, в достаточном, хорошо по-тогдашнему образованном, но отнюдь не музыкальном семействе. Таким образом, пробуждение и последующее развитие музыкального таланта будущего композитора нельзя приписать влиянию семьи. Зато можно с большим вероятием сказать, что блестящие умственные способности и общая даровитость натуры получены им прямо по наследству. Известно, что отец его, Николай Иванович Серов, обладал весьма недюжинным умом, тонким, проницательным, заметно наклонным к сарказму и иронии. Будучи не особенно высокого происхождения, он сумел, однако, составить себе довольно почетное положение по службе и занимал довольно видное место в министерстве финансов. Влияние его на сына было весьма велико и могло бы быть вполне благотворным, если бы не некоторая сухость характера, плохо гармонировавшая с артистическими наклонностями будущего музыканта. К числу недостатков Н. И. Серова нужно отнести и его крутой нрав; впоследствии он принес Александру Николаевичу так много страданий и горя...

Упомянув о наследственной даровитости семейства Серовых, мы считаем уместным сообщить здесь следующий эпизод, передаваемый В. В. Стасовым в его статье «Училище правоведения сорок лет тому назад». Рассказ относится к сороковым годам, когда Серов уже окончил курс в училище правоведения.

«Однажды пришел я к ним (к Серовым) как-то на праздниках, вечером, по-всегдашнему с большим свертком нот, чтоб нам с Александром играть в четыре руки. Я нашел его со старшей и любимой сестрой его Софьей, почти столь же даровитой и многоспособной, как он сам, в необыкновенном, еще невиданном состоянии духа. Они прыгали и били в ладоши около фортепиано,

на котором только что играли, и громко кричали мне: „Вольдемар, какое счастье! Какое счастье! Вообразите – мы жида!“ Я остановился на пороге как вкопанный, не зная, что это такое: шутка ли, новое ли баловство какое (на это оба они были мастера) или что-нибудь в самом деле серьезное? Они побежали ко мне и, продолжая хлопать в ладоши, объявили мне, что вот только сейчас „мама“ рассказывала им, что они оба такие способные и живые прямо в дедушку, Карла Ивановича (ее отца), а он был еврей родом. И мы все вместе, – заканчивает свой рассказ г-н Стасов, – принялись радоваться: у нас уже давно евреи считались самым многоспособным и талантливym народом».

Анна Карловна, мать композитора, была также очень умная женщина, обладавшая благородным и добрым характером, а что касается еврея-дедушки, от которого происходит А. Н. Серов, то им был довольно известный сенатор екатерининских времен Карл Иванович Габлиц, человек больших способностей и один из главных помощников князя Потемкина по устройству вновь присоединенного тогда Крыма.

Общая даровитость натуры стала проявляться у А. Н. Серова очень рано, можно сказать, с самых первых лет детского возраста. На четвертом году он уже настолько владел грамотою, что мог читать книги, и почти с этих же лет горячо полюбил театр, куда родители стали возить его, начиная с трехлетнего возраста. Когда же пришла пора учиться, а для него она наступила очень рано, его домашние не могли надивиться быстроте и легкости, с какими он усваивал все сообщаемые сведения; к усваиваемому материалу мальчик относился весьма сознательно. Научившись читать по-русски, как сказано, четырех лет, на девятом году он уже бойко читал французские и немецкие книги. Словом сказать, история детских лет Серова есть та старая история, которая вечно повторяется с людьми, отмеченными печатью таланта и предназначенными в будущем к какой-нибудь крупной роли в сфере интеллектуальной.

Все упомянутые свойства ребенка-Серова указывали на его общую даровитость. Но было между ними еще одно свойство, которое уже прямо определяло артистическое призвание будущего художника. У мальчика очень рано проявилась необыкновенная любовь к природе. Конечно, городская жизнь давала слишком мало пищи этому чувству, тем не менее оно вылилось у маленького Серова в форме необыкновенного пристрастия к рисованию. Целые дни проводил он с карандашом в руках, рисуя то перспективу своей комнаты, то пейзажи, то зверей... И общая гениальность натуры не замедлила проявиться даже в этой сфере занятий: скоро стал заметен его несомненный талант к рисованию, – поистине, это была многоспособная натура! Впоследствии Серов никогда не учился живописи систематически, потому что все его внимание поглотили музыкальные занятия, но, несмотря на это, достиг значительной степени совершенства в обращении с карандашом и акварелью. Как прав он был, когда писал в 1840 году Б. В. Стасову: «Иногда какой-то внутренний голос преубедительно мне нашептывает, что во мне довольно сил – быть всем, чем я пожелаю». Повторяем, никто с большим правом не мог бы сделать такое признание.

Эти занятия живописью не пропали даром для позднейшей композиторской деятельности Серова. Они образовывали его эстетический вкус, и этот развитый вкус заметно отразился на живописной постановке его опер.

Как уже было сказано, к девятилетнему возрасту Серов умел свободно читать на трех языках. Постепенно он пристрастился к чтению и скоро сосредоточил все свое внимание на сочинениях по естественной истории. Любимым его автором сделался Бюффон и скоро так заинтересовал его, что маленький зоолог не расставался с его сочинениями, а под конец просто бредил своим кумиром. Его увлекала живая природа, которая отражалась, как в зеркале, на страницах книг знаменитого естествоиспытателя. Окончилась же вся история, разумеется, самым детским образом: увлеченный примером Бюффона, маленький поклонник его вознамерился и сам написать что-нибудь по зоологии, «вроде Бюффона»; предприняты были даже

какие-то подготовительные работы. В одном из писем своих к В. В. Стасову (1842 год) А. Н. Серов с большою веселостью пересказывает этот курьезный эпизод, свидетельствующий, однако, о ранней способности композитора увлекаться интересами чисто идеального свойства...

Так совершалось первоначальное воспитание А. Н. Серова. Мальчик успел проявить блестящие способности, несомненную талантливость, многосторонность и даже универсальность натуры; словом, все шло хорошо, и дело воспитания подвигалось успешно. Но вот наступило время, когда нужно было начать преподавание музыки, ибо, несмотря на антимузыкальность семьи Серовых, в ней господствовало убеждение, что музыка необходима в курсе общего образования; музыка, точнее, умение играть на каком-нибудь инструменте, есть признак хорошего тона и хорошего воспитания. Так думал отец А. Н. Серова, и потому едва исполнилось мальчику восемь лет, как решено было пригласить для него учительницу музыки. Нужно сказать, что сам выбор преподавательницы в двадцатых годах XIX столетия представлял немало затруднений, и следует приписать совершенной случайности то обстоятельство, что первое руководство музыкальными занятиями Серова попало в достойные руки.

Случилось это так. Отец будущего музыканта, Николай Иванович Серов, как мы уже говорили, не понимал музыки, не знал в ней никакого толка, а потому, разумеется, не мог и любить ее. Но, придерживаясь вышеупомянутого взгляда на «бонтонность» музыки, устраивал у себя зимой музыкальные вечера. На этих вечерах у Николая Ивановича играл обыкновенно струнный квартет, где между прочими исполнителями были две первые скрипки тогдашней петербургской оперы (это был тоже «хороший тон»). Присутствовал там обыкновенно и некий батюшка, отец Турчанинов, страстный любитель музыки и большой приятель Николая Ивановича. Музыку отец Турчанинов любил, впрочем, так сказать, платонически и, беспрестанно сочиняя разные сентиментальные «херувимские», никогда не мог понять совершенного безвкусица своих творений. Таков был личный состав музыкальных вечеров Н. И. Серова, и этот-то кружок должен был способствовать Николаю Ивановичу в выборе для сына учительницы музыки. Помогла тут, как было сказано, гораздо больше счастливая случайность, и учительницей была приглашена Олимпиада Григорьевна Жебелева, шестнадцатилетняя девушка, отлично знавшая музыку, солидно подготовленная, счастливо соединявшая в себе знание дела и любовь к искусству с самой высокой добросовестностью. Под ее благотворным влиянием, продолжавшимся целых семь лет, до пятнадцатилетнего возраста Серова, будущий композитор основательно изучил музыкальную технику (фортепиано), познакомился со многими величайшими произведениями немецкой музыки и полюбил мир звуков всеми силами своей страстной артистической натуры. За эти семь лет Серов подвинулся в музыке так далеко, что когда потом, на шестнадцатом году, ему пришлось поступить в училище правоведения, то оказалось, что из дому он вынес самую основательную музыкально-техническую подготовку.

Но не будем забегать вперед; все это случилось только впоследствии, ближайшим же образом, то есть в то время, когда Н. И. Серов совещался со своими приятелями о музыкальной будущности сына, последний не проявлял никакой охоты к музыкальным занятиям, ни склонности или любви к музыке вообще. Когда его посадили за рояль, он почувствовал себя совершенно несчастным. Казалось, эта наука была не по нем, а то, что его заставляли проделывать на рояле, было так скучно, так утомительно скучно и, по-видимому, так бесполезно... Нет, это занятие не могло идти ни в какое сравнение ни с рисованием, ни тем более с чтением очаровательного Бюффона, где были и смысл, и интерес, где не могло быть и речи о принуждении и скуке, которые царили в музыке и, казалось, составляли самую сущность ее. Однако с крутым характером отца нельзя было ничего поделать, а он непременно желал, чтобы его Александр учился музыке, и потому волей-неволей приходилось подчиняться. Но это было очень трудно; подчинение нелегко дается вообще, а маленькому Серову оно было вдвойне тяжело: все, что от него до сих пор требовалось по части наук и искусства, он выполнял с охотою и

добровольно, потому что находил интерес в изучаемом; в музыке же ему едва ли не впервые приходилось ломать и насиловать себя, потому что все эти утомительные экзерсисы и гаммы – все это не удовлетворяло никакому требованию чувства изящного; а мальчик в это время уже привык действовать сознательно и в своих занятиях руководился в значительной мере принципом целесообразности. Словом сказать, с музыкой дело пошло плохо, и два или три года подряд будущий музыкант учился довольно вяло, не проявляя никаких особенных способностей. Прошло, однако, несколько лет, и маленький Серов до известной степени все-таки овладел техникой инструмента.

Приблизительно за год до начала уроков музыки Серов был помещен в пансион некоей госпожи Командер, где и оставался около трех лет, то есть до десятилетнего возраста. Пансион этот ничем не отличался от всех ему подобных заведений и, подготовив кое в чем своего даровитого питомца, благополучно сдал его в 1-ю гимназию. Здесь началось несколько более серьезное и систематическое ученье. Учиться в то время было, вообще говоря, трудно: методы преподавания практиковались самые жалкие, о педагогике почти никто не имел никаких сведений, так что нечего было и мечтать о правильной постановке учебного дела, – ведь это было начало тридцатых годов. Но природные дарования все-таки успевали пробиться к свету знания, и нечего поэтому говорить, что Серов, с его блестящими способностями, легко преодолевал всякие методы и учился отлично. Известно, между прочим, что математику во всех ее отраслях он особенно не жаловал, однако и в ней успевал, так же как и во всех остальных предметах.

Что касается музыки, то она вовсе не преподавалась в гимназиях, как не преподается и теперь; тогда, как и теперь, на нее не смотрели как на необходимый предмет общего образования, и это обстоятельство особенно невыгодно отзывалось на таких натурах, как Серов. Будущий композитор начинал уже понимать музыку, продолжающиеся дома уроки Жебелевой развивали это понимание, и нашего музыканта тянуло в мир звуков все более и более.

На двенадцатом или тринадцатом году жизни совершился в душе Серова перелом, и полное равнодушие к искусству постепенно сменилось у него горячей любовью. Около этого времени он с особенным рвением отдается изучению наиболее замечательных образцов музыкального творчества и, благодаря рано пробудившимся мыслительным способностям, начинает задумываться над ними. Благодушное начальство гимназии, разумеется, не могло отличить в толпе тринадцати-четырнадцатилетних мальчиков эту рано развившуюся, исключительную натуру и видело в Серове только хорошо успевающего ученика такого-то класса. А он, этот ученик, успевал тем временем совсем в другой области, все более и более погружаясь в очарованный мир искусства. Постепенно научался он находить в звуках отражение того, что пока еще смутно таилось в его пробуждавшейся душе...

Так проходили последние годы, проведенные Серовым в гимназии, – он пробыл в ней до конца 1835 года, то есть до своего шестнадцатилетия, когда был переведен в только что открывшееся училище правоведения. Блестящие способности давали Серову возможность легко справляться со всеми учебными предметами; но, покончив с обязательными гимназическими занятиями, он торопился домой, где ожидал его рояль, за которым юный музыкант отводил свою душу. Фантазия его просыпалась, и молодой человек с головою погружался в свой идеальный мир, где все было для него еще так ново и так заманчиво прекрасно; музыкальная мысль будущего композитора пробуждалась с очевидностью, и только недостаток теоретических знаний не позволял ему выразить на бумаге то, что складывалось в его голове и воображении.

Одновременно с пробуждением духовной жизни мальчика начинает все яснее обрисовываться и его недетский характер. Известно, что даже в раннюю пору своей жизни Серов не любил никаких детских игр. С течением времени живость, резвость и экспансивность, так свойственные детскому возрасту, все более пропадали в нем, уступая место задумчивости, сосредоточенной серьезности и даже молчаливости. Домашние маленького Серова не могли, конечно,

не замечать такого странного настроения мальчика, но приписывали его простой вялости, и отец его, Николай Иванович, часто говаривал сыну: «Александр, ведь ты – лимфа противная!» – на что мальчик отвечал только слабой улыбкой, не покидая, однако, своего сосредоточенно-серьезного настроения. Нет, не простой вялостью было то, что наблюдал в своем сыне Николай Иванович! Сам А. Н. Серов иначе объясняет совершавшиеся в нем душевные процессы:

«От постоянных дум и мечтаний, – *говорит он*, – я казался до ненатуральности серьезным, молчаливым и даже сонливым мальчиком... Я, как себя запомню, всегда плавал в эстетических мечтаниях; реальность для меня никогда не существовала, я всегда гонялся за чем-то неясным, неопределенным впереди...» (Из письма к В. В. Стасову от 2 июня 1842 года).

Другими характерными свойствами А. Н. Серова, – свойствами, впоследствии навлекавшими на него постоянные неприятности и увеличивавшими и без того густую толпу его недоброжелателей, были всегда присущие ему самоуверенность и сознание своего превосходства над другими. В последующей жизни А. Н. Серова эта особенность его характера развилась до чрезвычайной степени, но и в детском возрасте она проявляла себя очень рельефно. Сюда относится несколько забавных рассказов, один из которых передает нам В. В. Стасов, близко знавший Серова с самого детства. Когда мальчику было еще не более восьми-девяти лет, в период наибольшего увлечения его Бюффеном, о котором мы упоминали выше, все свои «важные» разговоры А. Н. Серов начинал комически-серьезным вступлением: «Папа, Бюффон и я». Отца он уважал и любил, так как тот не мог не импонировать ему своим умом; Бюффон был в его глазах первый автор в мире, так как написал очаровавшую Серова естественную историю, а о значении своего «я» он достаточно свидетельствовал, помещая его среди такого избранного общества. К этой же категории эпизодов относится и упомянутый выше проект написать что-нибудь «вроде Бюффона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.